

Часть первая

Оригинальный текст

Перевод Д. С. Лихачёва

Не лепо ли ны бяшетъ, братие,
начяти старыми словесы
трудныхъ повестий о пълку Игореве,
Игоря Святъславлича?
Начати же ся тѣй песни
по былинамъ сего времени,
а не по замышлению Бояню!
Боянъ бо вещей,
аще кому хотяше песнь творити,
то растекашется мыслию по древу,
серымъ вълкомъ по земли,
шизымъ орломъ подъ облакы.
Помняшетъ бо рече,
първыхъ временъ усобице.
Тогда пушашеть 10 соколовъ на стадо лебедей;
который дотечаше,
та преди песнь пояше -
старому Ярославу,
храброму Мстиславу,
иже зареза Редедю предъ пълкы касожьскими,
красному Романови Святъславличю.
Боянъ же, братие, не 10 соколовъ
на стадо лебедей пушаше,
нъ своя вещиа прѣсты
на живая струны вѣскладаше;
они же сами княземъ славу рокотаху.

Почнемъ же, братие, повесть сию
отъ стараго Владимира до ныняшнаго Игоря,
иже истягну умъ крепостию своею
и поостри сердца своего мужествомъ,
напольнився ратнаго духа,
наведе своя храбрыя плькы
на землю Половецкую
за землю Русскую.

Тогда Игорь възре
на светлое солнце
и виде отъ него тьмою
вся своя воя прикрыты.
И рече Игорь
къ дружине своей:
"Братие и дружино!
Луце жъ бы потяту быти,
неже полонену быти;
а всядемъ, братие,
на свои брѣзья комони,
да позримъ
синего Дону!"
Спаль князю умъ

Пристало ли нам, братья,
начать старыми словами
печальные повести о походе Игоревом,
Игоря Святославича?
Пусть начнётся же песнь эта
по былям нашего времени,
а не по замышлению Бояна.
Ибо Боян вещей,
если хотел кому песнь воспеть,
то растекался мыслию по древу,
серым волком по земле,
сизым орлом под облаками.
Вспоминал он, как говорил,
первых времён усобицы.
Тогда напускал десять соколов на стаю лебедей,
и какую лебедь настигали -
та первой и пела песнь
старому Ярославу,
храброму Мстиславу,
что зарезал Редедю пред полками касожскими,
прекрасному Роману Святославичу.
Боян же, братия, не десять соколов
на стаю лебедей напускал,
но свои вещие персты
на живые струны воскладал,
а они уже сами князьям славу рокотали.

Начнём же, братья, повесть эту
от старого Владимира до нынешнего Игоря,
который скрепил ум силою своею
и поострил сердце своё мужеством,
исполнившись ратного духа,
навёл свои храбрые полки
на землю Половецкую
за землю Русскую.

Тогда Игорь взглянул
на светлое солнце
и увидел, что оно тьмою
воинов его прикрыло.
И сказал Игорь
дружине своей:
"Братья и дружина!
Лучше убитым быть,
чем плененным быть;
так сядем, братья,
на борзых коней
да посмотрим
на синий Дон".
Страсть князю ум охватила,

похоти,
и жалость ему знамение заступи
искусити Дону великаго.
"Хощу бо, - рече, - копие приломити
конец поля Половецкаго,
съ вами, русици, хощу главу свою приложити,
а любо испити шеломомъ Дону".

О Бояне, соловию стараго времени!
Абы ты сиа плъкы ущекоталь,
скача, славию, по мыслену древу,
летая умомъ подь облакы,
свивая славы оба полы сего времени,
рища въ тропу Трояню
чресь поля на горы.
Пети было песнь Игореви,
того внуку:
"Не буря соколы занесе
чрезъ поля широкая -
галици стады бежать
къ Дону великому".
Чи ли въспети было,
вещей Бояне,
Велесовъ внуче:
"Комони ржуть за Сулою -
звенить слава въ Кыеве;
трубы трубятъ въ Новеграде -
стоять стязи въ Путивле!"

Игорь ждеть мила брата Всеволода.
И рече ему буй туръ Всеволодъ:
"Одинъ братъ,
одинъ светъ светлый -
ты, Игорю!
оба есве Святъславличя!
Седлай, брате,
свои бръзый комони,
а мои ти готови,
оседлани у Курьска напереди.
А мои ти куряни - сведоми къмети:
подь трубами повити,
подь шеломи възлелеяны,
конецъ копия въскръмлени;
пути имъ ведоми,
яругы имъ знаеми,
луци у нихъ напряжени,
тули отворени,
сабли изъстрени;
сами скачють, акы серый вльци въ поле,
ищучи себе чти, а князю славе".

Тогда вьступи Игорь князь въ златъ стремя
и поеха по чистому полю.
Солнце ему тъмою путь заступаше;
нощь, стонущи ему грозою, птичь убуди;

охватила,
и желание отведать Дон Великий
заслонило ему предзнаменование.
"Хочу, сказал, копье преломить
на границе поля Половецкаго,
с вами, русичи, хочу либо голову сложить,
либо шлемом испить из Дона".

О Боян, соловей старого времени!
Вот бы ты походы эти воспел,
скача, соловей, по мысленному древу,
летая умом под облаками,
свивая славу обоих половин этого времени,
рыща по тропе Трояна
через поля на горы.
Так бы пришлось внуку Велеса
воспеть тогда песнь Игорю:
"Не буря соколов занесла
через поля широкие -
стаи галок несутся
к Дону Великому".
Или так запел бы ты,
вещий Боян,
Велесов внук:
"Кони ржут за Сулой -
звенит слава в Киеве.
Трубы трубят в Новгороде,
стоят стяги в Путивле!"

Игорь ждет милого брата Всеволода.
И сказал ему буй тур Всеволод:
"Один брат,
один свет светлый -
ты, Игорь!
Оба мы Святославичи!
Седлай же, брат,
своих борзых коней,
а мои-то готовы,
уже оседланы у Курска.
А мои-то куряне опытные воины:
под трубами повиты,
под шлемами взлелеяны,
с конца копья вскормлены,
пути им ведомы,
овраги им знаемы,
луки у них натянуты,
колчаны отворены;
сами скачут, как серые волки в поле,
ища себе чести, а князю славы".

Тогда вступил Игорь-князь в золотое стремя
и поехал по чистому полю.
Солнце ему тъмою путь заграждало,
ночь стонами грозы птиц пробудила,

свистъ зверинь вѣста,
збися див,
кличеть врѣху древа,
велить послушати - земли незнаеме,
Волзе,
и Поморию,
и Посулию,
и Сурожу,
и Корсуню,
и тебе, Тьмутораканьскій блъвань!
А половци неготовами дорогами
побегоша къ Дону великому:
крычатъ телеги полунощы,
рци лебеди распущени.

Игорь къ Дону вои ведеть!

Уже бо беды его пасеть птицъ
по дубию;
вльци грозу въсрожать
по яругамъ;
орли клеткомъ на кости звери зовуть;
лисици брешуть на чръленья щиты.
О Руская земле! уже за шеломянемъ еси!

Дльго ночь меркнетъ.
Заря свет запала,
мъгла поля покрыла.
Щекоть славий успе,
говоръ галичь убуди.
Русичи великая поля чръленьими щиты
прегородиша,
ищучи себе чти, а князю - славы.

С зарания въ пятокъ
потопташа поганья плѣкы половецкыя,
и рассушясь стрелами по полю,
помчаша красныя девкы половецкыя,
а съ ними злато,
и паволокы,
и драгыя оксамиты.
Орьтьмами,
и япончицами,
и кожухы
начаша мосты мостити по болотомъ
и грязивымъ местомъ,
и всякыми узорочьи половецкыми.
Чърлень стягъ,
бела хирюговъ,
чрълена чолка,
сребрено стружие -
храброму Святъславличю!

Дремлетъ въ поле Ольгово хороброе гнездо.
Далече залетело!
Не было оно обиде порождено
ни соколу,

свистъ звериный поднялся,
встрепенулся Див,
кличет на вершине древа,
велит послушать земле неведомой,
Волге,
и Поморью,
и Посулью,
и Сурожу,
и Корсуню,
и тебе, Тьмутораканский идол.
А половцы непроторенными дорогам
помчались к Дону Великому.
Кричат телеги в полуночи,
словно лебеди вспугнутые.

А Игорь к Дону войско ведёт!

Уже беду его подстерегают птицы
по дубравам,
волки грозу накликают
по оврагам,
орлы клёкотом зверей на кости зовут,
лисицы брешут на червлёные щиты.
О Русская земля! Уже ты за холмом!

Долго ночь меркнет.
Заря свет зажгла,
мгла поля покрыла,
щекот соловьиный уснул,
говор галочий пробудился.
Русичи великие поля чевленьими щитами
перегородили,
ища себе чести, а князю славы.

Спозаранок в пятницу
потоптали они поганые полки половецкие
и, рассыпавшись стрелами по полю,
помчали красных девушек половецких,
а с ними золото,
и паволоки,
и дорогие оксамиты.
Покрывалами,
и плащами,
и кожухами
стали мосты мостить по болотам
и топям,
и дорогими нарядами половецкими.
Червлёный стяг,
белая хоругвь,
червлёный бунчук,
серебряное древко -
храброму Святославичу!

Дремлет в поле Олегово храброе гнездо.
Далеко залетело!
3 Не было оно в обиду порождено
ни соколу,

ни кречету,
ни тебе, чръный воронъ,
поганый половчине!
Гзакъ бежит серымъ влъкомъ,
Кончакъ ему следъ править къ Дону великому.

Другаго дни велми рано
крававыя зори светъ поведаютъ;
чръныя тучя с моря идуть,
хотятъ прикрыти 4 солнца,
а въ нихъ трепещутъ синии мльнии.
Быти грому великому,
итти дождю стрелами съ Дону великаго!
Ту ся копиемъ приламати,
ту ся саблямъ потручяти
о шеломы половецкыя,
на реце на Каяле,
у Дону великаго!

О Руская земле, уже за шеломянемъ еси!

Се ветри, Стрибожи внуци, веють съ моря
стрелами
на храбрыя плъкы Игоревы.
Земля тутнетъ,
реки мутно текутъ;
пороси поля прикрывають;
стязи глаголютъ:
половци идуть отъ Дона
и отъ моря,
и отъ всехъ странъ рускыя плъкы оступиша.
Дети бесови кликомъ поля прегородиша,
а храбрии русици преградиша чрълеными щиты.

Яр туре Всеволоде!
Стоиши на борони,
прыщещи на вои стрелами,
гремлещи о шеломы мечи харалужными.
Камо, туръ, поскачяше,
своимъ златымъ шеломомъ посвечивая,
тамо лежать поганыя головы половецкыя.
Поскепаны саблями калеными шеломы оварьскыя,
отъ тебе, яръ туре Всеволоде!
Кая раны дорога, братие, забывъ чти, и живота,
и града Чрънигова, отня злата стола,
и своя милыя хоти красныя Глебовны
свычая и обычая?

Были вечи Трояни,
минула льта Ярославля;
были плъци Олговы,
Ольга Святъславличя.
Тъй бо Олегъ мечемъ крамолу коваше
и стрелы по земли сеяше.
Ступаетъ въ златъ стремя въ граде
Тьмуторокане,
той же звонъ слыша давний великий Ярославль,

ни кречету,
ни тебе, чёрный ворон,
поганый половец!
Гзак бежит серым волком,
Кончак ему след указывает к Дону Великому.

На другой день спозаранку
крававые зори свет возвещают,
чёрные тучи с моря идут,
хотят прикрыть четыре солнца,
а в них трепещут синие молнии.
Быть грому великому,
идти дождю стрелами с Дону Великаго!
Тут копьям преломиться,
тут саблям побиться
о шеломы половецкие,
на реке Каяле,
у Дона Великаго.

О Русская земля! Уже ты за холмом!

Вот ветры, внуки Стрибога, веют с моря
стрелами
на храбрые полки Игоря.
Земля гудит,
реки мутно текут,
пыль поля прикрывает,
стяги говорят:
половцы идут от Дона
и от моря
и со всех сторон русские полки обступили.
Дети бесовы кликом поля перегородили,
а храбрые русичи перегородили червлёными щитами.

Ярый тур Всеволод!
Бьёшься ты впереди,
прыщешь на воинов стрелами,
гредишь о шлемы мечами булатными.
Куда, тур, поскачешь,
своим золотым шлемом посвечивая, -
там лежат поганые головы половецкие.
Расщеплены шлемы аварские твоими саблями
калёными, ярый тур Всеволод!
Что тому раны, братья, кто забыл честь и богатство, и
города Чернигова отчий золотой престол, и своей
милрой жены, желанной прекрасной Глебовны,
свычаи и обычай!

Были века Трояновы,
Минули годы Ярославовы,
были и войны Олеговы,
Олега Святославлича.
Тот ведь Олег мечом крамолу ковал
и стрелы по земле сеял.
Вступил в золотое стремя в городе
4 Тмуторокани,
а звон тот же слышал давний великий Ярослав,

а сынъ Всеволожь, Владимиръ,
по вся утра уши закладаше въ Чернигове.
Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе
и на Канину зелену паполому постла
за обиду Олгову
храбра и млада князя.
Съ тоя же Каялы Святоплъкъ полеле яти отца
своего
между угорьскими иноходьцы
ко святей Софии къ Киеву.
Тогда, при Олзе Гориславличи,
сеяшеться и растяшеть усобицами,
погибашеть жизнь Дажьбожа внука,
въ княжихъ крамолахъ вещи человекомъ
скратишась.
Тогда по Руской земли ретко ратаеве кикахуть,
нъ часто врани граяхуть,
трупиа себе деляче,
а галици свою речь говоряхуть,
хотять полетети на уедие.

То было въ ты рати и въ ты плъкы,
а сицей рати не слышано!
Съ зараниа до вечера,
съ вечера до света
летяць стрелы каленыя,
grimлють сабли о шелома,
трещать копиа харалужныя
въ поле незнаеме,
среди земли Половецкыи.
Черъна земля подь копыты костьми была посеяна,
а кровию польяна:
тугою въздоша по Руской земли.

Что ми шумить,
что ми звенить -
далече рано предь зорями?
Игорь плъкы заворочаетъ:
жалъ бо ему мила брата Всеволода.
Бишася день,
бишася другый;
третьяго дни къ полуднию падоша стязи Игоревы.
Ту ся брата разлучиста на брезе быстрой Каялы;
ту кроваваго вина не доста;
ту пирь закончаша храбрии русичи:
сваты попоиша, а сами полегоша
за землю Рускую.
Ничить трава жалощами,
а древо с тугою къ земли преклонилось.

Уже бо, братие, не веселая година възстала,
уже пустыни силу прикрыла.
Въстала обида въ силахъ Дажьбожа внука,
вступила девою на землю Трояню,
въсплескала лебедиными крылы
на синемъ море у Дону;
плещучи, упуди жирня времена.
Усобица княземъ на поганья погыбе,

а сын Всеволода Владимир
каждое утро уши закладывал в Чернигове.
А Бориса Вячеславича похвальба на смерть привела, и
на Канине зелёный саван постлала
за обиду Олега,
храброго и молодого князя.
С такой же Каялы и Святополк полелеял отца
своего
между венгерскими иноходцами
ко святой Софии к Киеву.
Тогда, при Олеге Гориславиче,
засеялось и прорастало усобицами,
погибало достояние Дажьбожьего внука,
в княжеских крамолах
сокращались жизни людские.
Тогда по Русской земле редко пахари покрикивали,
но часто вороны граяли,
трупы меж собою деля,
а галки по-своему переговаривались,
собираясь полететь на поживу!

То было в те рати и в те походы,
а такой рати не слыхано!
С раннего утра до вечера,
с вечера до света
летят стрелы калёные,
гремят сабли о шлемы,
трещат копыя булатные
в поле неизвестном
среди земли Половецкой.
Черна земля под копытами костьми была посеяна,
и кровью полита;
горем взошли они на Русской земле!

Что мне шумит,
что мне звенит
издалёка рано перед зорями?
Игорь полки заворачивает:
жалъ ему милого брата Всеволода.
Бились день,
бились другой,
на третий день к полудню пали стязи Игоревы!
Тут разлучились братья на берегу быстрой Каялы;
тут кровавого вина не достало;
тут пир закончили храбрые русичи:
сватов напоили,
а сами полегли за землю Русскую.
Никнет трава от жалости,
а древо с тоской к земле приклонилось.

Уже ведь, братья, невесёлое время настало,
уже пустыня войско прикрыла.
Встала обида в войсках Дажьбожьего внука,
вступила девой на землю Троянову,
всплескала лебедиными крылами
на синем море у Дона, плескаясь,
прогнала времена обилия.
Борьба князей с погаными прервалась,

рекоста бо братъ брату:
"Се мое, а то мое же".
И начяша князи про малое
"се великое" мльвити,
а сами на себе крамолу ковати.
А погании съ всехъ странъ прихождаху съ
побьдами на землю Рускую.

О, далече зайде соколь, птицъ бья, - къ морю!
А Игорева храбраго плъку не кресити!
За нимъ кликну Карна, и Жля
поскочи по Руской земли,
смагу людемъ мычючи въ пламяне розе.
Жены руския въсплакашась, аркучи:
"Уже намъ своихъ милыхъ ладъ
ни мыслию смыслити,
ни думою сдумати,
ни очима съглядати,
а злата и сребра ни мало того потрепати".

А въстона бо, братие, Киевъ тугою,
а Черниговъ напастми.
Тоска разлися по Руской земли;
печаль жирна тече средь земли Руския.
А князи сами на себе крамолу коваху,
а погании сами,
победями нарищуце на Рускую землю,
емляху дань по беле отъ двора.

Тии бо два храбрая Святъславлича, -
Игорь и Всеволодъ -
уже лжу убудиста которую,
то бяше успиль отецъ ихъ -
Святъславъ грозный великий Киевский -
грозою:
бьшетъ притрепеталь своими сильными плъкы
и харалужными мечи,
наступи на землю Половецкую,
притопта хльми и яругы;
взмути рьки и озеры,
иссуши потоки и болота.
А поганаго Кобяка изъ луку моря,
отъ железныхъ великихъ плъковъ половецкихъ,
яко вихрь, выторже:
и падеса Кобяка въ граде Киеве,
въ гриднице Святъславли.
Ту немци и венедици,
ту греци и моравы
поють славу Святъславлю,
кають князя Игоря,
иже погрузи жиръ во дне Каялы - реки
половецкыя, -
рускаго злата насыпаша.
Ту Игорьъ князь выседе изъ седла злата,
а въ седло кощиево.
Уныша об градомъ забрали,
а веселие пониче.

ибо сказал брат брату:
"Это моё, и то моё же".
И стали князья про малое
"это великое" молвить
и сами на себя крамолу ковать,
а поганые со всех сторон
приходили с победами на землю Русскую.

О, далеко залетел сокол, птиц и збивая, - к морю!
А Игорева храброго войска не воскресить!
По нём кликнула Карна, и Желя
поскакала по Русской земле,
горе людям мыкая в пламенном роге.
Жёны русские восплакались, приговаривая:
"Уже нам своих милых лад
ни в мыслях помыслить,
ни думою сдумать,
ни глазами не повидать,
а золота и серебра и пуще того в руках не подержать!"

И застонал, братья, Киев от горя,
а Чернигов от напастей.
Тоска разлилась по Русской земле,
печаль обильная потекла среди земли Русской.
А князья сами на себя крамолу ковали,
а поганые,
победями нарыскивая на Русскую землю,
сами брали дань по белке со двора.

Ибо те два храбрых Святославича,
Игорь и Всеволод,
уже коварство пробудили раздором,
которое перед тем усыпил было отец их,
Святослав грозный великий киевский,
грозою своею,
прибил своими сильными полками
и булатными мечами;
пришёл на землю Половецкую,
притоптал холмы и овраги,
возмутил реки и озёра,
иссушил потоки и болота.
А поганого Кобяка из лукоморья,
из железных великих полков половецких,
словно вихрем исторг,
и пал Кобяк в городе Киеве,
в гриднице Святославовой.
Тут немцы и венецианцы,
тут греки и моравы
поют славу Святославу,
корят князя Игоря,
потопившего богатство на дне Каялы, реки
половецкой,
русское золото просыпав.
Тут Игорь князь пересел из золотого седла
в седло рабское.
б Приуныли у городов забрали,
и веселие поникло.

Часть вторая

А Святъславь мутень сонъ виде
въ Киеве на горахъ.
"Си ночь, съ вечера, одевахуть мя - рече -
чръною паполомою
на кровати тисове;
чръпахуть ми синее вино,
с трудомъ смешено;
сыпахуть ми тьщами тулы поганыхъ тльковинь
великий женчюгъ на лоно
и негують мя.
Уже дьскы безъ кнеса
в моемъ теремъ златовръсемъ.
Всю ночь съ вечера
босуви врани възгряху у Плеснеска,
на болони беша дебрь Кияня
и несошася къ синему морю".
И ркоша бояре князю:
"Уже, княже, туга умь полонила;
се бо два сокола слетеста
съ отня стола злата
поискати града Тьмутороканя,
а любо испити шеломомъ Дону.
Уже соколома крильца припешали
поганыхъ саблями,
а самую опуташа въ путины железны".

Темно бо бе въ 3 день:
два солнца померкоста,
оба багряная стльпа погасоста
и съ ними молодая месяца,
Олегъ и Святъславь,
тьмою ся поволокоста
и въ море погрузиста,
и великое буйство подаста хинови.
На реце на Каяле тьма светъ покрыла -
по Руской земли прострошася половцы,
аки пардуже гнездо.
Уже снесеса хула на хвалу;
уже тресну нужда на волю;
уже врьжеса дивь на землю.
Се бо готьскыя красныя девы
въспеша на брезе синему морю:
звоня рускыме златомъ;
поють время Бусово,
лелеють мечь Шароканю.
А мы уже, дружина, жадни веселия!
Тогда великий Святъславь
изрони злато слово
с слезами смешено
и рече:
"О моя сыновчя, Игорю и Всеволоде!
Рано еста начала Половецкую землю

А Святослав смутный сон видел
в Киеве на горах.
"Этой ночью с вечера одевали меня, - говорил, -
чёрным саваном
на кровати тисовой,
черпали мне синее вино,
с горем смешанное,
сыпали мне из пустых колчанов поганых иноземцев
крупный жемчуг на грудь
и нежили меня.
Уже доски без князька
в моём тереме златоверхом.
Всю ночь с вечера
серые вороны граяли у Плесньска на лугу,
были в дебри Кисаней
и понеслись к синему морю".
И сказали бояре князю:
"Уже, князь, горе ум полонило.
Вот слетели два сокола
с отчего золотого престола
добыть города Тмутороканя
либо испить шлемом Дона.
Уже соколам крылья подсекли
саблями поганых,
а самих опутали в путы железные".

Темно было в третий день:
два солнца померкли,
оба багряные столпа погасли
и в море погрузились,
и с ними оба молодых месяца,
Олег и Святослав,
тьмою заволоклись.
На реке на Каяле тьма свет прикрыла:
по Русской земле рассыпались половцы,
точно выводок гепардов, и великое ликование
пробудили в хиновах.
Уже пал позор на славу;
уже ударило насилие по свободе;
уже бросился Див на землю.
Вот уже готские красные девы
запели на берегу синего моря,
звеня русским золотом:
воспевают время Бусово,
лелеют мечь за Шарукана.
А мы уже, дружина, невеселы".
Тогда великий Святослав
изронил золотое слово,
со слезами смешанное,
и сказал:
"О дети мои, Игорь и Всеволод!
Рано начали вы Половецкой земле

мечи цвелити,
а себе славы искати.

Нъ нечестно одолесте,
не честно бо кровь поганую пролиясте.
Ваю храбрая сердца
въ жестоцемъ харалузе скована
а въ буюсти закалена.
Се ли створисте моей сребреной седине?
А уже не вижду власти
сильнаго,
и богатаго,
и многовая
брата моего Ярослава
съ черниговскими былями,
съ могуты,
и съ татраны,
и съ шельбиры,
и съ топчаки,
и съ ревугы,
и съ ольберы.

Тии бо бес щитовъ съ засапожники
кликомъ плъкы побеждають,
звонячи въ прадеднюю славу.
Нъ рекосте: "Мужаимеся сами:
преднюю славу сами похитимъ,
а заднюю си сами поделимъ!"
А чи диво ся, братие, стару помолодити!
Коли соколь в мытехъ бываетъ,
высоко птицъ възбиваетъ;
не дастъ гнезда своего въ обиду.
Нъ се зло - княже ми неспособность:
наниче ся години обратиша.
Се у Римъ кричатъ подъ саблями половецкыми,
а Володимиръ подъ ранами.
Туга и тоска сыну Глебову!"

Великий княже Всеволоде!
Не мыслию ти прелетети издалеча,
отня злата стола поблюсти?
Ты бо можеша Волгу веслы раскропити,
а Донъ шеломы выльяти!
Аже бы ты былъ,
то была бы чага по ногате,
а кощей по резане.
Ты бо можеша посуху
живыми шерешеры стреляти -
удалыми сыны Глебовы.

Ты, буй Рюриче, и Давыде!
Не ваю ли вои
злаченными шеломы по крови плаваша?
Не ваю ли храбрая дружина
рыкають, акы туры,
ранены саблями калеными
на поле незнаеме?
Вступита, господина, въ злат стремень

мечами обиду творить,
а себе славы искать.

Но без чести для себя вы одолели,
без чести для себя кровь поганую пролили.
Ваши храбрые сердца
из крепкого булата скованы
и в отваге закалены.
Что же сотворили вы моей серебряной седине?
А уж не вижу власти
сильного,
и богатого,
и обильного воинами
брата моего Ярослава,
с черниговскими боярами,
с воеводами,
и с татранами,
и с шельбирами,
и с топчаками,
и с ревугами,
и с ольберами.

Они ведь без щитов, с засапожными ножами,
кликом полки побеждают,
звоня в прадедовскую славу.
Но сказали вы: "Помужествуем сами:
прошлую славу себе похитим,
а будущую сами поделим".
А разве дивно, братья, старому помолодеть?
Если сокол в линьке бывает,
то высоко птицъ взбивает,
не даст гнезда своего в обиду.
Но вот зло - князя мне не подмога:
худо времена обернулись.
Вот у Римова кричат под саблями половецкими,
а Владимир под ранами.
Горе и тоска сыну Глебову!"

Великий князь Всеволод!
Не думаешь ли ты прилететь издалека
отчий золотой престол поблюсти?
Ты ведь можешь Волгу вёслами расплескать,
а Дон шлемами вычерпать!
Если бы ты был здесь,
то была бы раба по ногате,
а раб по резане.
Ты ведь можешь посуху
живыми шерешерами стрелять -
удалыми сынами Глебовыми.

Ты, буйный Рюрик, и Давыд!
Не ваши ли воины
злаченными шлемами в крови плавали?
Не ваша ли храбрая дружина
рыкает, как туры,
ранены саблями калёнными,
на поле неизвестном?
Вступите же, господа, в золотое стремя

за обиду сего времени,
за землю Рускую,
за раны Игоревы,
бугега Святъславлича!

Галичкы Осмомысле Ярославе!
Высоко седиши
на своемъ златокованнемъ столе,
подперъ горы Угорскыи
своими железными плъки,
заступивъ королеви путь,
затворивъ Дунаю ворота,
меча бремены чрезъ облакы,
суды рядя до Дуная.
Грозы твоя по землямъ текутъ,
отворяеши Киеву врата,
стреляеши съ отня злата стола
сальтани за землями.
Стреляй, господине, Кончака,
поганого кощея,
за землю Рускую,
за раны Игоревы,
бугега Святъславлича!

А ты, буй Романе, и Мстиславе!
Храбрая мысль носитьъ вашъ умъ на дело.
Высоко плаваеши на дело въ буести,
яко соколь, на ветрехъ ширяся,
хотя птицю въ буйстве одолети.
Суть бо у ваю железныи папорбци
подъ шеломы латиньскыми.
Теми тресну земля,
и многы страны -
Хинова,
Литва,
Ятвязи,
Деремела,
и половци сулицы своя повръгоша,
а главы своя подклониша
подъ тыи мечи харалужныи.

Нъ уже, княже Игорю,
утръпе солнцю светъ,
а древо не бологомъ листовие срони:
по Роси и по Сули гради поделиша.
А Игорева храбраго плъку не кресити!
Донъ ти, княже, кличетъ
и зоветь князи на победу.
Олговичи, храбрыи князи, доспели на брань...

Ингваръ и Всеволодъ,
и вси три Мстиславичи,
не худа гнезда шестокрилци!
Не победными жребии
собе власти расхытите!
Кое ваши златыи шеломы

за обиду нашего времени,
за землю Русскую,
за раны Игоря,
буйного Святославича!

Галицкий Осмомысл Ярослав!
Высоко сидишь
на своём златокованом престоле,
подпёр горы Венгерские
своими железными полками,
заступив королю путь,
затворив Дунаю ворота,
меча бремена через облака,
суды рядя до Дуная.
Грозы твои по землям текут,
отворяешь Киеву ворота,
стреляешь с отцовского золотого престола
салтанов за землями.
Стреляй же, господин, Кончака,
поганого раба,
за землю Русскую,
за раны Игоревы,
буйного Святославича!

А ты, буйный Роман, и Мстислав!
Храбрая мысль влечёт ваш ум на подвиг.
Высоко взмываешь на подвиг в отваге,
точно сокол на ветрах паря,
стремясь птицу в смелости одолеть.
Ведь у ваших воинов железные подвязи
под шлемами латинскими.
От них дрогнула земля,
и могиле страны -
Хинова,
Литва,
Ятвяги,
Деремела,
и половцы копья свои повергли
и головы свои склонили
под те мечи булатные.

Но уже, о князь Игорь,
померк солнца свет,
а дерево не к добру листову сронило:
по Роси и по Суле города поделили.
А Игорева храброго войска не воскресить!
Дон тебя, князь, кличет
и зовёт князей на победу,
Ольговичи, храбрые князья, уже успели на брань...

Ингвар и Всеволод,
и все три Мстиславича -
не худого гнезда соколы!
Не по праву побед
добыли себе владения!
9 Где же ваши золотые шлемы

и сулицы ляцкыи
и щиты?
Загородите полю ворота
своими острыми стрелами
за землю Рускую,
за раны Игоревы,
буйего Святъславича!

Уже бо Сула не течеть сребреными струями
къ граду Переяславлю,
и Двина болотомъ течеть
онымъ грознымъ полочаномъ
подъ кликомъ поганыхъ.
Единъ же Изяславъ, сынъ Васильковъ,
позвони своими острыми мечи
о шеломы литовскыя,
притрепа славу деду своему Всеславу,
а самъ подъ чрълеными щиты
на кроваве траве
притрепанъ литовскыи мечи
и с хотию на кров,
а тьи рекъ:
"Дружину твою, княже,
птиць крылы приоде,
а звери кровь полизаша".
Не бысть ту брата Брячяслава,
ни другаго - Всеволода.
Единъ же изрони жемчужну душу
изъ храбра тела
чресь злато ожерелие.
Уныли голоса,
пониче веселие,
трубы трубятъ городеньскыи.

Ярославли вси внуце и Всеславли!
Уже понизите стяжи свои,
вонзите свои мечи вережени.
Уже бо выскочисте изъ дедней славе.
Вы бо своими крамолами
начясте наводити поганыхъ
на землю Рускую,
на жизнь Всеславлю.
Которою бо беша насилие
отъ земли Половецкыи!

На седьмомъ веце Трояни
връже Всеславъ жребий
о девицю себе любу.
Тъй клюками подпръ ся о кони
и скочи къ граду Киеву
и дотчеся стружиемъ
злата стола киевскаго.
Скочи отъ нихъ лютымъ зверемъ
въ плъночи изъ Белаграда,
обесися сине мгыле; утръже вазни,
с три кусы отвори врата Новуграду,

и копья польскыи
и щиты?
Загородите полю ворота
своими острыми стрелами
за землю Русскую,
за раны Игоревы,
буйного Святославича!

Уже Сула не течёт серебряными струями
к городу Переяславлю,
и Двина болотом течёт
для тех грозных полочан
под кликом поганых.
Один только Изяслав, сын Васильков,
позвенел своими острыми мечами
о шлемы литовские,
прибил славу деда своего Всеслава,
а сам под червлёными щитами
на кровавой траве
литовскими мечами прибит
со своим любимцем,
а тот сказал:
"Дружину твою, князь,
крылья птиц приодели,
а звери кровь полизали".
Не было тут брата Брячислава,
ни другого - Всеволода.
Так в одиночестве изронил жемчужную душу
из храброго тела
через золотое ожерелье.
Приуныли голоса,
поникло веселие,
трубы трубят городенские!

Ярослава все внуки и Всеслава!
Уже склоните стяги свои,
вложите в ножны мечи свои повреждённые,
ибо лишились мы славы дедов.
Своими крамолами
начали вы наводить поганых
на землю Русскую,
на достояние Всеслава.
Из-за усобиц ведь пошло насилие
от земли Половецкой!

На седьмом веке Трояна
кинул Всеслав жребий
о девице ему милой.
Хитростью оперся на коней
и скакнул к городу Киеву,
и коснулся древком
золотого престола киевского.
Отскочил от них лютым зверем
в полночь из Белгорода,
объятый синей мглой, добыл удачу:
10в три попытки отворил ворота Новгорода,

разшибе славу Ярославу,
скочи вльком
до Немиги съ Дудутокъ.

На Немизе снопы стелють головами,
молотять чепа харалужными,
на тоце животь кладуть,
веють душу отъ тела.
Немизе кровави брезе
не бологомъ бяхуть посеяни -
посеяни костью русскихъ сыновъ.

Всеславъ князь людемъ судяше,
княземъ грады рядяше,
а самъ въ ночь влькомъ рыскаше:
изъ Кыева дорискаше до куръ Тмутороканя,
великому Хръсови влькомъ путь прерыскаше.
Тому въ Полотъске позвониша заутренюю рано
у святыя Софеи въ колоколы,
а онъ въ Кыеве звон слыша.
Аще и вещь душа въ дерзе теле,
нъ часто беды страдаше.
Тому вещей Боянъ
и пръвое припевку, смысленый, рече:
"Ни хытру,
ни горазду,
ни пытьцю горазду
суда божиа не минути".

О, стонати Руской земли,
помянувшѣ пръвую годину
и пръвыхъ князей!
Того старого Владимира
нельзе бе пригвоздити къ горамъ киевскимъ:
сего бо ныне стаха стязи Рюриковы,
а друзии Давидовы,
нъ розно ся имъ хоботы пашуть,
копиа поють!

На Дунаи Ярославнынъ гласъ ся слышитъ,
зегзицею незнаема рано кычеть:
"Полечю - рече - зегзицею по Дунаеви,
омочю бебрянъ рукавъ въ Каяле реце,
утру князю кровавья его раны
на жестоцемъ его теле".

Ярославна рано плачеть
въ Путивле на забрале, аркучи:
"О ветре, ветрило!
Чему, господине, насильно вееши?"

расшиб славу Ярославу,
скакнул волком
до Немиги с Дудуток.

А Немиге снопы стелют из голов,
молотят цепами булатными,
на току жизнь кладут,
веют душу от тела.
Немиги кровавые берега
не добром были засеяны,
засеяны костью русских сынов.

Всеслав-князь людям суд правил,
князьям города рядил,
а сам ночью волком рыскал:
из Киева до петухов дорыскивал до Тмуторокани,
великому Хорсу волком путь перерыскивал.
Ему в Полоцке позвонили к заутрене рано
у святой Софии в колокола,
а он в Кыеве звон тот слышал.
Хоть и вещь душа была у него в храбром теле,
но часто от бед страдал.
Ему вещей Боян
ещё давно припевку, разумный, сказал:
"Ни хитрому,
ни умелому,
ни птице умелой
суда божьего не миновать!"

О, стонать Русской земле,
вспоминая
первые времена и первых князей!
Того старого Владимира
нельзя было пригвоздить горам киевским;
а ныне встали стяги Рюриковы,
а другие - Давыдовы,
но врозь их знамёна развеваются.
Копья поют!

На Дунае Ярославнин голос слышится,
кукушкою безвестною рано кукует:
"Полечу, говорит, - кукушкою по Дунаю,
омочу шелковый рукав в Каяле-реке,
утру князю кровавые его раны
на могучем его теле".

Ярославна рано плачет
в Путивле на забрале, приговаривая:
"О ветер, ветрило!
Зачем, господин, веешь ты навстречу?"

Часть третья

Чему мычеша хиновскыя стрелкы
на своєю нетрудноу крилицю
на моя лады вой?
Мало ли ти бяшетъ горе подъ облакы вьяти,
лелеючи корабли на сине море?
Чему, господине, мое веселие
по ковылию развея?"
Ярославна рано плачеть
Путивлю городу на забороле, аркучи:
"О Днепре Словутицю!
Ты пробилъ еси каменныя горы
сквозе землю Половецкую.
Ты лелеял еси на себе Святославли носады
до плъку Кобякова.
Възлелей, господине, мою ладу къ мне,
а быхъ не слала къ нему слезъ
на море рано".

Ярославна рано плачеть
въ Путивле на забрале, аркучи:
"Светлое и тресветлое сълнце!
Всемъ тепло и красно еси:
чему, господине, простре горячюю свою лучю
на ладе вой?
Въ поле безводне жажду имъ лучи съпряже,
тугою имъ тули затче?"

Прысну море полунощи,
идуть сморци мъглами.
Игореви князю богъ путь кажетъ
изъ земли Половецкой
на землю Рускую,
къ отню злату столу.

Погасоша вечеру зари.
Игорь спить,
Игорь бдить,
Игорь мыслию поля мерить
отъ великаго Дону до малаго Донца.
Комонь въ полуночи Овлуръ свисну за рекою:
велить князю разумети:
князю Игорю не быть!
Кликну,
стукну земля,
въшуме трава,
вежи ся половецкии подвизашася.
А Игорь князь поскачи
горнастаемъ къ тростию
и белымъ гоголемъ на воду.
Въврѣжеся на брѣзь комонь
и скочи съ него бусымъ влъкомъ.
И потече къ лугу Донца,
и полете соколомъ подъ мъглами,
избивая гуси и лебеди
завтроку,
и обеду,
и ужине.

Зачем мчишь хиновские стрелочки
на своих легких крыльицах
на воинов моего милого?
Разве мало тебе бы под облаками вьять,
лелея корабли на синем море?
Зачем, господин, мое веселье
по ковылю развеял?"
Ярославна рано плачет
в Путивле-городе на забрале, приговаривая:
"О Днепр Словутич!
Ты пробил каменные горы
сквозь землю Половецкую.
Ты лелеял на себе Святославовы насады
до стана Кобякова.
Прилелей же, господин, моего милого ко мне,
чтобы не слала я к нему слез
на море рано!"

Ярославна рано плачет
в Путивле на забрале, приговаривая:
"Светлое и трижды светлое солнце!
Всем ты тепло и прекрасно:
зачем, владыко, простерло ты горячие свои лучи
на воинов моего лады?
В поле безводном жаждою им луки скрутило,
горем им колчаны заткнуло?"

Прыснуло море в полуночи;
идут смерчи тучами.
Игорю князю бог путь указывает
из земли Половецкой
в землю Русскую,
к отчему золотому столу.

Погасли вечером зори.
Игорь спит,
Игорь бдит,
Игорь мыслью поля мерит
от великаго Дону до малаго Донца.
Коня в полночь Овлур свистнул за рекою;
велит князю разуметь:
не быть Игорю в плену.
Кликнула,
стукнула земля,
зашумела трава,
вежи половецкие задвигались.
А Игорь князь поскакал
горностаем к тростнику
и белым гоголем на воду.
Вскочил на борзого коня
и соскочил с него серым волком.
И побежал к излучине Донца,
и полетел соколом под облаками,
избивая гусей и лебедей
к завтраку,
и ужину.

Коли Игорь соколомъ полете,
тогда Влуръ влькомъ потече,
труся собою студеную росу:
претръгоста бо своя бръзая комоня.
Донецъ рече:
"Княже Игорю!
Не мало ти величия,
а Кончаку нелюбия,
а Руской земли веселиа".
Игорь рече: "О Донче!
не мало ти величия,
лелеявшу князя на вльнахъ,
стлавшу ему зелену траву
на своихъ сребреныхъ брезехъ,
одевавшу его теплыми мъглами
подъ сению зелену древу;
стрешаше его гоголемъ на воде,
чайцами на струяхъ,
чрънядьми на ветрехъ".
Не тако ти, рече, река Стугна:
худу струю имея,
пожрьши чужи ручьи и стругы,
рострена к устью,
уношу князю Ростиславу затвори.
Днепръ темне березе
плачется мати Ростиславля
по уноши князи Ростиславе.
Уныша цветы жалобою,
и древо с тугою къ земли преклонилося.

А не сорокы втрискоташа -
на следу Игорева ездить Гзакъ съ Кончакомъ.
Тогда врани не граахуть,
галици помолькоша,
сорокы не трискоташа,
полозие ползоша только.
Дятлове тектомъ путь къ реце кажутъ,
соловии веселыми песньми
светъ поведають.

Молвить Гзакъ Кончакови:
"Аже соколь къ гнезду летить,
соколича ростреляе
своими злаченными стрелами".
Рече Кончакъ ко Гзе:
"Аже соколь къ гнезду летить,
а ве соколца опутае
красною девицею".

И рече Гзакъ къ Кончакови:
"Аще его опутае красною девицею,
ни нама будетъ сокольца,
ни нама красны девице,
то почнуть наю птици бити
в поле Половецкомъ".

Когда Игорь соколом полетел,
тогда Овлур волком побежал,
стряхивая собою студеную росу:
Оба ведь надорвали своих борзых коней.
Донец говорит:
"О Князь Игорь!
Немало тебе величия,
а Кончаку нелюбия,
а Русской земле веселия!"
Игорь говорит: "О Донец!
Немало тебе величия,
лелеявшему князя на волнах,
стлавшему ему зеленую траву
на своих серебряных берегах,
одевавшему его теплыми туманами
под сенью зеленого дерева;
ты стерег его гоголем на воде,
чайками на струях,
чернядьми на ветрах".
Не такова-то, говорит он, река Стугна:
скудную струю имея,
поглотив чужие ручьи и потоки,
расширенная к устью,
юношу князя Ростислава заключила.
На темном берегу Днепра
плачет мать Ростислава
по юноше князе Ростиславе.
Уныли цветы от жалости,
и дерево с тоской земле приклонились.

То не сороки застрекотали -
по следу Игоря едут Гзак с Кончаком.
Тогда вороны не граяли,
галки примолкли,
сороки не стрекотали,
только полозы ползали.
Дятлы стуком путь кажут к реке,
да соловьи веселыми песнями
рассвет возвещают.

Говорит Гзак Кончаку:
"Если сокол к гнезду летит,
расстреляем соколенка
своими золочеными стрелами".
Говорит Кончак Гзаку:
"Если сокол к гнезду летит,
То опутаем мы соколенка
красною девицей".

И сказал Гзак Кончаку:
"Коли опутаем его красною девицей,
не будет у нас ни соколенка,
ни красной девицы,
и станут нас птицы бить
в поле Половецком".

Рекъ Боянь и Ходына,
Святъславля песнотворца
старога времени Ярославля,
Ольгова коганя хоти:
"Тяжко ти головы кроме плечю,
зло ти телу кроме головы" -
Руской земли безъ Игоря.

Солнце светится на небесе, -
Игорь князь въ Руской земли;
девици поють на Дунаи, -
вьются голоси чрезъ море до Киева.
Игорь едет по Боричеву
къ святей богородици Пирогощей.
Страны ради, гради весели.

Певше песнь старымъ княземъ,
а потомъ молодымъ пети:

"Слава Игорю Святъславличю,
буй туру Всеволоду,
Владимиру Игоревичу!"

Здрави князи и дружина,
побарая за христьяны
на поганья плъки!

Княземъ слава а дружине!
Аминь.

Сказали Боян и Ходына,
Святославовы песнотворцы
старого времени Ярослава,
и Олега-князя любимцы:
"Тяжко голове без плеч,
беда и телу без головы" -
так и Русской земле без Игоря.

Солнце светится на небе, -
а Игорь князь в Русской земле.
Девушки поют на Дунае, -
вьются голоса их через море до Киева.
Игорь едет по Боричеву
ко святой богородице Пирогощей.
Села рады, грады веселы.

Певши песнь старым князьям,
потом и молодым петь:

"Слава Игорю Святославичу,
Буй туру Всеволоду,
Владимиру Игоревичу!"

Здравы будьте, князья и дружина,
Борясь за христиан
против нашествий поганых!

Князьям слава и дружине!
Аминь.